

Я. А. Пенькова

Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Москва, Россия. atopena@inbox.ru

АНАЛИЗ ДИСТРИБУЦИИ ИНФИНИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ГЛАГОЛАМИ ХОТѢТИ И ИМѢТИ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В работе исследуется дистрибуция инфинитивных конструкций со вспомогательными глаголами ХОТѢТИ и ИМѢТИ в древне- и позднесреднерусской письменности на материале исторических корпусов. Сопоставляются структурные и семантические особенности конструкций с данными вспомогательными глаголами в разные временные периоды. Показано, что инфинитивные конструкции с глаголами ХОТѢТИ и ИМѢТИ уже в древнерусской письменности испытывали определенную степень аттракции, постепенно расширяя свой семантический диапазон и в еще большей степени сближаясь структурно и функционально.

Ключевые слова: церковнославянская письменность, русская письменность, аналитическое будущее, модальность, перспективы

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-18-00206 «Дистрибутивно-квантитативный анализ семантических изменений на основе больших диахронических корпусов».

1. Предварительные замечания, история исследования

Работа посвящена особенностям дистрибуции глаголов ХОТѢТИ и ИМѢТИ в конструкциях с инфинитивом. Сопоставляются данные двух временных срезов: древнерусского (XI–XIV вв.) и позднесреднерусского (XVII в.) периодов. В качестве материала исследования преимущественно используются ранее не привлекавшиеся источники. Мы попытаемся показать функциональную близость двух конструкций с референцией к будущему, которая намечается уже в ранних текстах, а к XVII в. приобретает еще более выраженный характер.

Приведем примеры рассматриваемых перифрастических форм, обратив внимание на то, что в первых двух примерах в славянском тексте используются разные конструкции, тогда как в греческом – одна и та же аналитическая форма, что указывает на их функциональную близость¹:

- (1) и помани въ гробѣхъ лежаща възпомани днь исхода твоего. ꙗгда хощеть дша твоя. раздлучитиса ѿ тѣла. поразумѣи страшныи трепѣтътъзи (так!) глѧ (μελλη χωρισθηαι)²;
- (2) не разумѣете ли вѣдѣ. ꙗко страшно имамъ прѣвити пучину (μελλομεν διαπερα̃ν)³;
- (3) «Мню, яко счастья ветр хощет обратитися»⁴;
- (4) «Аще поклона не хощете дати, люте имате в пещи пострадати»⁵.

¹ Далее примеры из текстов приводятся с той датировкой и в той орфографии, которые представлены на соответствующих ресурсах (на портале «Манускрипт» и в Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ)); в круглых скобках в конце цитаты помещается греческое соответствие конструкции. Подробно греческие соответствия не обсуждаются, так как это требует отдельного исследования.

² Сборник поучений Ефрема Сирина (Паренесис Ефрема Сирина) (далее – Ефр.Сир.). ОР РНБ. Собрание М. П. Погодина. № 71а. Ок. 1269–1289 гг. Л. 73. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=87272654 (дата обращения: 12.04.2024).

³ Там же. Л. 164.

⁴ Артаксерсово действо (1672) // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 12.04.2024). Здесь и далее, если не указано иное, названия источников и их датировка приводятся в соответствии с тем, как они представлены в НКРЯ.

⁵ Симеон Полоцкий. О Навходоносоре царе, о теле злате и о трех отроцех, в пещи не сожженных (1673–1674.02.24).

Конструкции *хотѣти/имѣти* + инфинитив широко употреблялись еще в старославянской письменности в качестве аналитических форм с референцией к будущему [Вайан]. Однако их грамматикализация в показатель будущего времени имела место не во всех славянских языках. Формы будущего, восходящие к конструкциям с *xotěti* и *iměti*, характерны прежде всего для южнославянского ареала, хотя они также зафиксированы в полабском, древнечешском, некоторых восточнословацких диалектах [Andersen]. Конструкции с *xotěti* имеют более широкое распространение и грамматикализировались в будущее время во всех южнославянских языках, кроме словенского, тогда как конструкции с *iměti* в качестве показателя футурума распространены только в восточной части южной Славии: болгарском и македонском языках [Andersen].

Близость *хотѣти* и *имѣти* в конструкциях с инфинитивом обусловлена не только тем, что оба глагола используются как вспомогательные для образования будущего времени. Их функциональное родство подтверждается, к примеру, ситуацией в болгарском языке, где они объединились в рамках одной парадигмы будущего времени, ср.:

(5) «Искам да видя преди това как ще свърши събранието» [Ницолова, с. 308];

(6) «Надявам се, че няма да ми устройвате очна ставка» [Ницолова, с. 308].

На материале старославянского языка конструкции с *хотѣти* и *имѣти* хорошо изучены. Одной из последних работ, посвященных семантике этих перифраз, является статья А. А. Козлова [Козлов, 2014], в которой предлагается объяснение путей грамматикализации этих конструкций в показатели будущего времени. У форм с *хотѣти* выделяется проспективное значение (проспектив – аспектуальный показатель, маркирующий подготовительную фазу ситуации), а у *имѣти* с инфинитивом – значение «будущего времени с усиленной ассерцией» [Козлов, 2014, с. 134]. В указанной работе также показана близость проспектива к модальной семантической зоне онтологической необходимости (как раз в данном значении конструкции с *хотѣти* семантически весьма близки конструкциям с *имѣти*): А. А. Козлов выделяет внутренний проспектив, описывающий состояние участника, и внешний, или «предестинативный», проспектив, «описывающий состояние мира вокруг этого участника» [Козлов, 2014, с. 127] (в современном русском языке это значение можно передать как ‘суждено, предстоит’). Предестинативный проспектив представляет собой более продвинутую стадию эволюции проспектива, на которой подготовительная фаза становится «неконкретной и размытой», ср.:

(7) *Үто естѣ знамение егда хотатѣ си быти*⁶;

(8) *Кто естѣ хотаи прѣдати* и⁷.

На семантическую близость старославянских конструкций с *хотѣти* и *имѣти* указывает Б. Хансен, отмечая, что обе конструкции могут употребляться в значении «fatalistisches Futur» (неизбежное будущее) [Hansen, S. 260, 273]. При этом, по мнению исследователя, *имѣти* + инфинитив имеет ряд свойств будущего времени, так как вспомогательный глагол употребляется только в формах презенса, тогда как *хотѣти* в конструкции с инфинитивом может стоять в формах прошедших времен и в форме причастия [Hansen, S. 262].

В древнерусской письменности конструкции с *хотѣти* и *имѣти* также были широко представлены, однако ни одна из них не сделала такой успешной «карьеры», как в болгарском, то есть грамматикализации этих конструкций в аналитическое будущее не произошло. В живом древнерусском языке конструкция с *имѣти* вовсе отсутствовала, она была в русской письменности церковнославянизмом и употреблялась только в книжных текстах [Юрьева, 2009], как и сам глагол *имѣти* [Шевелева, 2019].

⁶ Мариинское Евангелие (Лк 21: 7). Codex Marianus. URL: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/slav/aksl/marianus/maria.htm> (дата обращения: 12.04.2024).

⁷ Там же (Ин 6: 64).

На древнерусском материале конструкции с *ХОТѢТИ* и *ИМѢТИ* многократно становились предметом описания в литературе (см.: [Křížková; Мустафина; Юрѣва, 2009; Юрѣва, 2011; Шевелева, 2017]). Остановимся подробнее на относительно недавних работах И. С. Юрѣвой и М. Н. Шевелевой.

И. С. Юрѣва выделяет у глагола *ХОТѢТИ* в сочетании с инфинитивом в древнерусской письменности, помимо архетипических значений желания и намерения, также значения «долженствования» и «близкой возможности» (или проспектива) [Юрѣва, 2009, с. 99–142]. В отличие от форм с *ИМѢТИ*, конструкция с глаголом *ХОТѢТИ* не была ограничена книжными памятниками и была шире представлена в древнерусской письменности, ср.:

(9) Се оуже *ХОТѢМЪ ПОМЕРЕТИ* ѿ глада, а ѿ княза помочи нѣту⁸.

Сравнивая данные летописей и оригинальных житий в составе Успенского сборника XII в., исследовательница показывает, что в языке летописей конструкция с *ХОТѢТИ* чаще употребляется в проспективном значении, тогда как в текстах житий – в значении долженствования [Юрѣва, 2015].

Статья М. Н. Шевелевой [Шевелева, 2017] написана в полемическом ключе по отношению к работам А. А. Козлова и И. С. Юрѣвой. М. Н. Шевелева, анализируя материал Повести временных лет и некоторых других ранних восточнославянских памятников, утверждает, что надежные основания для выделения значения предестинативного проспектива в ранневосточнославянской письменности отсутствуют, поскольку все подобные употребления сводятся к значению внутреннего проспектива, во всех ситуациях обнаруживается следствие развития внутренних свойств субъекта. Для конструкций с *ИМѢТИ* в работе постулируется значение внешней необходимости, что в целом подтверждает исследования А. А. Козлова и И. С. Юрѣвой.

Мы не решаемся встать на ту или иную сторону в полемике относительно конструкций с *ХОТѢТИ* в ранних летописях, однако, как мы попытаемся показать ниже, для нашего материала термин А. А. Козлова «предестинативный проспектив» оказывается весьма полезным, тем более что такое развитие проспектива подтверждается и данными самых разных языков [Козлов, 2021].

В отличие от древнерусского периода, конструкции с *ХОТѢТИ*/*ИМѢТИ* в среднерусский и в особенности в позднесреднерусский период исследованы менее подробно. В Энциклопедическом словаре по истории русского языка особенности этих конструкций в поздних текстах подробно не освещаются [Пенькова, Крысько]. Функционирование *ИМѢТИ* + инфинитив в текстах XVII в. описывается преимущественно с точки зрения влияния на семантику перифразы польского языка [Moser; Пенькова]. М. Мозер, в частности, показал, что значение деонтической модальности (связанной с понятиями нормы и долга и т. п.) развивается у конструкции с *ИМѢТИ* под влиянием польского языка [Moser, S. 330–335].

Формы с *ХОТѢТИ* на позднесреднерусском материале рассматривались еще менее подробно. Х. Кржижкова на основании характера источников, в которых употребляется конструкция, делает вывод о том, что в текстах XV–XVI вв. мы уже имеем дело с архаизацией [Křížková, s. 124].

Дальнейшая судьба конструкций с *ХОТѢТИ*/*ИМѢТИ* связана с их постепенным выходом из употребления в сфере модальности и референции к будущему, что объясняется формированием новых форм аналитического будущего и процессом перехода к литературному языку нового типа. При этом перед тем как стать архаизмом, конструкция *ИМѢТИ* + инфинитив претерпела ряд структурных и семантических изменений (см. об этом ниже, а также: [Пенькова]).

Конструкция с *ХОТѢТИ* в истории русского языка также постепенно сократила свой семантический диапазон. По данным МАС, глагол *хотеть* в современном литературном русском языке употребляется преимущественно как полнозначенательный в значениях ‘испытывать желание’

⁸ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку (1110-е).

и 'иметь намерение'⁹. Проспективное значение (ср.: «Изва завалиться хочет, того и гляди убьет кого. Л. Толстой, Воскресение». – «Гляди, потемнело, – сказал Силуян, – никак в самом деле дождь идти хочет к вечеру. Короленко, В облачный день»)¹⁰, восходящее еще к древнерусской эпохе, имеет помету «разг.», то есть сохранилось только в разговорной речи и в настоящее время воспринимается во многом как элемент языковой игры. Кроме того, изменился и структурный потенциал конструкции с *хотеть*: возможный в проспективной конструкции в форме презенса, данный глагол уже не функционирует с таким значением в формах прошедшего времени или причастия (*изба, *хотящая завалиться*; *изба *хотела завалиться*).

Наш интерес к конструкциям с глаголами *ХОТѢТИ*/*ИМѢТИ* вызван следующими соображениями. Во-первых, как показало исследование форм с *ИМѢТИ* в позднесреднерусский период [Пенькова], у конструкций, стоящих «на пороге утраты», могут быть обнаружены структурные и семантические изменения, которые не были зафиксированы в предшествующий период.

Во-вторых, до сих пор не была оценена степень функционального сближения конструкций с *ХОТѢТИ* и *ИМѢТИ*. На портале «Манускрипт»¹¹ доступен дистрибутивный словарь [Баранов], который позволяет найти функционально близкие между собой лексемы. Воспользовавшись этим ресурсом, можно увидеть, что, по данным текстов, представленных на портале, глагол *ИМѢТИ* входит в число глаголов, функционально близких глаголу *ХОТѢТИ* (см. рис. 1)¹².

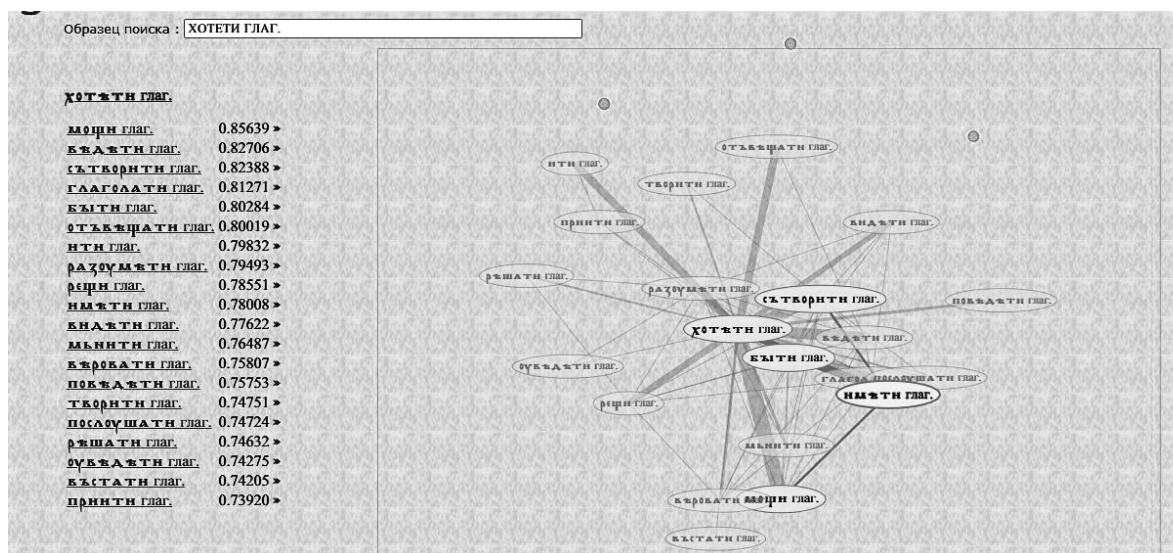

Рис. 1. Глагол *ХОТѢТИ* и функционально близкие лексемы, по данным дистрибутивного словаря портала «Манускрипт»

2. Материал и методы исследования

Для того чтобы проследить динамику сближения *ХОТѢТИ* и *ИМѢТИ*, мы сопоставляем данные двух временных срезов: древнерусский период и XVII в. Выбор этих периодов неслучаен. XVII в. – это конец среднерусского периода, за которым следует формирование литературного языка нового типа. В этот период грамматикализуется новое аналитическое будущее со вспомогательным глаголом *быти* (*буду*, *будешь* и т. д. с инфинитивом несовершенного вида).

⁹ Словарь русского языка: В 4-х т. 4-е изд. М., 1999. Т. 4. С. 622.

¹⁰ Там же.

¹¹ URL: <http://mns.udsu.ru/> (дата обращения: 12.04.2024).

¹² В данном случае для удобства восприятия схемы мы подсветили только часть глаголов. Полный список представлен на рисунке слева.

Данные ранней письменности привлекаются в качестве фона для сопоставления. Как видно из представленного выше обзора, интересующие нас конструкции анализировались на материале ограниченного количества источников (преимущественно раннедревнерусских летописей и некоторых житий). Мы же будем привлекать другие древнерусские источники, которые остались вне поля зрения исследователей.

Для древнерусской эпохи материалом исследования послужили церковнославянские тексты, входящие в древнерусский корпус НКРЯ и опубликованные на портале «Манускрипт». Мы обращались преимущественно к тем источникам, которые не рассматривались ранее в связи с интересующей нас проблематикой. В их числе следующие: Житие Василия Нового, Чудеса Николы, Александрия, Пчела, История Иудейской войны, Паренесис Ефрема Сирина, Толстовский сборник XIII в. и Захариинский паримейник. Все эти тексты (за исключением ряда оригинальных произведений в составе Толстовского сборника) представляют собой церковнославянские переводы с греческого, что позволяет также оценить степень зависимости того или иного употребления от языка оригинала. Важность обращения к данным текстам не вызывает сомнения, поскольку именно книжная письменность во многом служила образцом при создании менее книжных памятников гибридного регистра.

С другой стороны, для позднесреднерусского периода мы привлекаем тексты XVII в., входящие в старорусский подкорпус НКРЯ.

В отличие от инфинитивных конструкций с *имѣти*, *хотѣти* с инфинитивной клаузой может употребляться не только как вспомогательный, но и как полнознаменательный глагол в архетипическом значении 'испытывать желание' и близком к нему интенциональном значении 'иметь намерение'. Мы исключили из анализа случаи, в которых *хотѣти* употребляется как полнознаменательный глагол, сосредоточившись при этом на более грамматикализованных употреблениях, связанных с выражением референции к будущему и нехарактерных для *хотеть* с инфинитивом в современном литературном языке.

Ниже приведем данные частотности конструкций в древнерусских текстах (в составе древнерусского корпуса НКРЯ) и в позднесреднерусской письменности XVII в. (из старорусского корпуса НКРЯ). Для древнерусского периода посчитаны только конструкции с формой презенса вспомогательного глагола, связанные с выражением референции к будущему. В левой части столбцов, показывающих частотность в тот или иной период, приведены абсолютные значения, а в правой – частотность на миллион словоформ.

Таблица 1

Частотность инфинитивных конструкций со вспомогательными глаголами *хотѣти* и *имѣти* в древнерусский и позднесреднерусский периоды

Конструкция	XI–XIV вв.		XVII в.	
	абсолютное значение	частотность на миллион словоформ	абсолютное значение	частотность на миллион словоформ
<i>хотѣти</i> + инфинитив	171	218 ipm	90	21 ipm
<i>имѣти</i> + инфинитив	134	171 ipm	180	48 ipm

Как видно из таблицы 1, обе конструкции в древнерусский период имели сопоставимую и довольно высокую частотность, при этом конструкция с *имѣти* немного уступала конструкции с *хотѣти*, что, по-видимому, объясняется исключительно книжным характером первой. Напротив, в текстах XVII в. формы с *хотѣти* (вне сочетаний полнознаменательного глагола с инфинитивом) существенно уступают в частотности формам с *имѣти*. При этом значительное снижение частотности характеризует одновременно обе конструкции.

Далее инфинитивные конструкции с хотѣти и имѣти будут сопоставлены по двум параметрам: парадигматическому и семантическому. Под парадигматическим параметром мы подразумеваем возможность вспомогательного глагола употребляться в той или иной форме, под семантическим – типы употреблений в том или ином значении.

При описании модальных значений конструкций хотѣти/имѣти с инфинитивом мы будем использовать классификацию, представленную в [Падучева]. В данной классификации основное разграничение проводится между значениями возможности и необходимости. Далее в каждой группе выделяются соответственно онтологическая, деонтическая и эпистемическая возможность и необходимость. Онтологическая возможность может быть внутренней (способность) и внешней (связана с внешними по отношению к субъекту обстоятельствами). Деонтическая возможность и необходимость – это возможность и необходимость, связанные с понятием долга, моральными обязательствами и т. д. Эпистемическая возможность и необходимость выражают ту или иную степень неполноты знаний субъекта. Кроме того, мы будем пользоваться введенными А. А. Козловым терминами «внутренний» и «внешний», или «предестинативный», «проспектив» [Козлов, 2014].

3. Парадигматическое сближение конструкций хотѣти и имѣти с инфинитивом

В таблице 2 сопоставляются парадигмы конструкций с глаголами хотѣти и имѣти в древне- и позднесреднерусской письменности. Под парадигмами мы подразумеваем возможность или невозможность вспомогательного глагола употребляться в той или иной форме в сочетании с инфинитивной клаузой. Если вспомогательный глагол в данной форме может присоединять инфинитив, она указывается в ячейке таблицы; если инфинитивная конструкция со вспомогательным глаголом в этой форме не зафиксирована в письменности, в ячейке стоит прочерк. Для форм презенса используется сокращение PRS, для форм прошедшего времени – PST, для причастий – РТСР.

Таблица 2

Сопоставление парадигм вспомогательных глаголов хотѣти и имѣти в сочетании с инфинитивом в древне- и позднесреднерусской письменности

Древнерусский период		Позднесреднерусский период	
хотѣти	имѣти	хотѣти	имѣти
PRS	PRS	PRS	PRS
PST	–	PST	PST
РТСР	–	РТСР	РТСР

Как видно из таблицы, парадигма вспомогательного глагола хотѣти остается широкой, не подвергаясь изменениям на протяжении длительного времени его функционирования в письменности: хотѣти может употребляться в презенсе, любом из прошедших времен и форме причастия настоящего времени. Кроме того, можно также привести хорошо известный пример из Грамоты Мстислава Великого, в котором хотѣти стоит в форме инфинитива:

(10) Даже которыи князь по моему княжению почынетъ хотѣти ѡвати оу сѣго геургия а бѣ воуди за тѣмъ и сѣя бѣа и тѣ сѣи геургии оу него то ѡтимають¹³.

¹³ Жалованная данная князей Мстислава Владимировича и Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на волость Буйце с данями, вирами и продажами и серебряною блюдо (1130).

Напротив, парадигма вспомогательного глагола *ИМѢТИ* в древнерусской письменности была очень ограниченной: *ИМѢТИ* употреблялся с инфинитивом только в форме презенса.

В позднесреднерусский период можно говорить о существенной перестройке: парадигма глагола *ИМѢТИ* становится подобна парадигме глагола *ХОТѢТИ*. Проникновение форм прошедшего времени от глагола *ИМѢТИ* во многом связано с влиянием аналогичной польско-рутенской конструкции (см. об этом: [Пенькова]). Однако польское влияние не объясняет вовлечение в парадигму причастных форм, ср.:

(11) «Снедает яд мой утробу: Персть, вечному имуща предатися гробу, В наших прежних жилищах себе водворяет!»¹⁴.

По-видимому, мы можем осторожно предположить, что, помимо польского влияния, имела место и определенная аттракция между вспомогательными глаголами *ХОТѢТИ* и *ИМѢТИ*. Кроме того, расширение парадигмы вспомогательного глагола *ИМѢТИ* однозначно свидетельствует о большей модализации семантики самой конструкции, так как одним из свойств модальных глаголов как раз является отсутствие ограничений на форму вспомогательного глагола.

Изменения, произошедшие со вспомогательным глаголом *ИМѢТИ*, затрагивают не только набор различных грамматических форм, но и стилистические варианты в рамках одной формы. Мы имеем в виду сосуществование маркированных книжных и немаркированных форм внутри грамматической категории времени, см. таблицу 3.

Таблица 3

Сопоставление маркированных и немаркированных форм глаголов *ХОТѢТИ* и *ИМѢТИ* в конструкциях с инфинитивом

	Древнерусский период		Позднесреднерусский период	
	<i>ХОТѢТИ</i>	<i>ИМѢТИ</i>	<i>ХОТѢТИ</i>	<i>ИМѢТИ</i>
Маркированная форма в презенсе	<i>хоцѹ</i>	<i>имамь</i>	<i>хоцѹ</i>	<i>имамь</i>
Немаркированная форма в презенсе	<i>хоцѹ</i>	–	<i>хоцѹ</i>	<i>имѣю, имаяю</i>
Маркированная форма в прошедшем времени	<i>хотѣхъ</i> <i>хотяхъ</i>	–	<i>хотѣхъ</i> <i>хотяхъ</i>	<i>имѣхъ</i> <i>имяхъ</i>
Немаркированная форма в прошедшем времени	<i>хотѣлъ</i>	–	<i>хотѣлъ</i>	<i>имѣлъ</i>

Если в древнерусский период различия между л-формами, формами аориста и имперфекта пролегли не только в стилистической сфере, то к позднесреднерусскому периоду эти различия уже превратились в противопоставление книжной и некнижной форм в рамках категории прошедшего времени. Как видно из таблицы 3, в древнерусский период в конструкциях с инфинитивом у глагола *ХОТѢТИ* имеются маркированные и немаркированные формы и в презенсе, и в прошедшем времени. Напротив, глагол *ИМѢТИ* в конструкции с инфинитивом был ограничен только маркированно книжными атематическими формами *имамь, имаши, имать* (и т. д.), в то же время в письменности существовала и тематическая форма типа *имѣю, имѣеши*, однако в конструкции с инфинитивом она не была представлена.

В позднесреднерусский период различия между *ИМѢТИ* и *ХОТѢТИ* стираются: у *ИМѢТИ* появляются стилистически маркированные и немаркированные варианты как в настоящем

¹⁴ Димитрий Ростовский. Рождественская драма (Комедия на рождество Христово) (1702).

времени, так и в прошедшем. Примеры с формами аориста и имперфекта от глагола **ИМѢТИ** многочисленны и, судя по всему, имеют искусственный характер, однако само их существование свидетельствует о структурном изменении, произошедшем с конструкцией. Приведем некоторые примеры из НКРЯ:

(12) «Аще имех быт<и> тоя смерти приобщенный; Иная вещь некая имат быти нова, А не та, да бы Мати умерла Христова»¹⁵;

(13) «Якоже разумѣвше, якоже женский духъ, ничтоже не имяхуть пытати»¹⁶.

Такое структурное сближение, на наш взгляд, неслучайно, и, как мы попытаемся показать ниже, оно поддерживается аналогичными процессами и на семантическом уровне.

4. Семантика конструкций хотѣти/имѣти с инфинитивом в церковнославянской письменности XIII в.

Ниже будут рассмотрены основные типы употребления конструкции хотѣти/имѣти + инфинитив в церковнославянской письменности Древней Руси и в позднесреднерусской письменности. Поскольку семантика конструкций с **ИМѢТИ** на позднесреднерусском материале описана в [Пенькова], для данных текстов мы будем цитировать только такие примеры с **ИМѢТИ**, которые функционально близки конструкции с хотѣти. Другие типы употребления в настоящей статье подробно не обсуждаются.

В исследованных нами ранних памятниках конструкции с **ИМѢТИ** употребляются в значениях внешней необходимости, деонтической необходимости, практической необходимости и внешней возможности. Значение внешней необходимости является основным для данной конструкции, оно предполагает, что событие неизбежно произойдет (14). Под отрицанием «неотвратимость» события еще более усиливается (ср. греч. соответствие с οὐ μὴ), и можно говорить, что конструкция выражает значение «будущего времени с усиленной ассерцией» [Козлов, 2014, с. 134]: ‘субъекту ни за что не сделать Р’ (15), хотя такие контексты (‘событие обязательно произойдет’) встречаются и без отрицания (16), ср.:

(14) Иже чюжего желаетъ, то по малѣ дѣнии и по своемъ рыдати имать [‘будет вынужден оплакивать’] (θρηνησει)¹⁷;

(15) падоуться ихъ основаниа нечѣстивыхъ гради въ вѣкы · не имоуть създагиса [‘ни за что не будут воздвигнуты’] (Ис 25: 2: οὐ μὴ οἰκοδομηθῆι)¹⁸;

(16) глѧ къ симъ. крѣстыани. тако вы распятаго хѧ. и раба него стѣго николы. и геургина. станѣте малъ часъ да вы въпрошу. и потомъ бес троудѧ вашего азъ пакы имамъ быти [‘непреренно буду’] въ вашихъ роукахъ¹⁹.

Вторым по частотности в рассмотренных нами источниках является значение внешней возможности (‘обстоятельства таковы, что субъект имеет возможность сделать Р’), не описанное в литературе, посвященной данной конструкции, ср.:

(17) Гѣи прѣвзрѣвѧ неси молѣбныѣ раба твоего. како имать си книжнѣими словесѣи стязатиса [‘как она может состязаться со мной’] со мною (ἔχει διαλεχθῆναι)²⁰;

(18) всю бо ночь прѣвзѣша ѡбрази ликъствующе · мужескъ ѡбразъ и женескъ · глѣюще сами к собѣ · ходите да са радочимъ съ ироѡ ꙗко възлюблена бѣзи азъ же рекохъ кто

¹⁵ Дмитрий Ростовский. Успенская драма (Комедия на успение Богородицы) (1680–1690).

¹⁶ Из Жития Василия Нового. Хождение Феодоры по воздушным мытарствам (XVI в.).

¹⁷ Пчела (XI–XIII вв.).

¹⁸ Паримейник (Захариинский) (далее – Зах.). ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги. Q.п.1.13. 1271 г. Л. 96 об. URL: http://mns.udsu.ru/mns/main?p_text=93729005 (дата обращения: 12.04.2024).

¹⁹ Чудеса Николы (XI–XII вв.).

²⁰ Ефр.Сир. Л. 1.

ИМАТЬ ВЪЗЛЮБИТИ [‘кто способен возлюбить’] не соυζητοῦ ὡνι же γλᾶχῦ ὡжила ёсть (εἶχεν φιληθῆναι)²¹.

Данный тип употребления имеет некоторые контекстуальные ограничения: такая интерпретация ИМЪТИ с инфинитивом возможна только в отрицательных предложениях или в вопросительных, подразумевающих имплицитное отрицание (17)–(18). Как видно из примеров, в данном случае славянский текст в точности следует за формой в греческом оригинале (при этом глагол ἔχω с инфинитивом также, по-видимому, выражает здесь значение возможности).

Значение деонтической необходимости (‘субъект должен сделать Р исходя из чувства долга’) считается для конструкции с ИМЪТИ в ранний период чрезвычайно редким: согласно [Юрьева, 2009, с. 32–74], контексты такого рода единичны (ср. об Адаме и Еве: не имата ясти²² ‘вам не следует есть’). Рассмотренные нами источники показывают, что данное значение хоть и является редким, но все же не настолько маргинальным, как считалось ранее, так как к описанному ранее мы можем добавить еще около десятка случаев (далее приводим не все примеры), ср.:

(19) Блюдиса негда сдѣ насвѣши терныи смѣхомь. глумлѣньемь. да тамо жнеши слъззи и рзиданыи много ИМАМЪ ГЛАТИ. [‘должен говорить’] но не могу нзинѣ всего издречи (ἔχω λέγειν)²³;

(20) и приложи гѣ къ ἀχαζου̅ глѧ проси себе знамениа̅ оу̅ гѧ бѧ твоѧго̅ · въ глѡубиноу̅ ли въ възкотоу̅ · и рече̅ ἀχαζъ̅ · не ИМАМЪ просити · ни же ИМАМЪ Искоусити гѧ [‘мне не следует просить ... не следует искушать’] (Ис 7: 12: οὐ μὴ αἰτήσω οὐδ’ οὐ μὴ πειράσω)²⁴.

Из этого следует, что употребление ИМЪТИ с инфинитивом в данном значении в позднесреднерусской письменности (см. комментарий выше и примеры ниже) не является исключительно следствием польского влияния, поскольку было возможно и в ранней переводной церковнославянской письменности, причем не всегда перед нами формальное следование греческому оригиналу: в (20) ИМЪТИ + инфинитив передает именно семантику греческой конструкции с οὐ μὴ.

К числу действительно редких употреблений ИМЪТИ с инфинитивом следует отнести единственный контекст, в котором конструкция имеет значение практической необходимости (‘субъекту нужно / субъект имеет потребность совершить Р’), также не описанное в литературе, ср.:

(21) тѣи приимеши къ себе ѿ всѣхъ брашьнъ · ꙗже ИМАТЕ АСТІ [‘которые требуются в пищу’] · и събереши къ себе · и боудутъ тебе и ѡнѣмъ брашьно (Быт 6: 21: ἔδεσθε)²⁵.

Конструкции с глаголом ХОТѢТИ в исследованных нами ранних текстах встретились в следующих типах употребления (мы не касаемся здесь архетипических для ХОТѢТИ контекстов желания и намерения): значение внешней необходимости (событие неизбежно, ср. (22)), иначе называемое в литературе предестинативным проспективом, собственно проспективное значение (‘субъект таков, что скоро произойдет Р’, ср. (23)) и значение внешней возможности (‘ситуация такова, что субъект имеет возможность сделать Р’, ср. (24)–(25)):

(22) ничтоже ползунѣтъ намъ оу̅ годину̅ ѡну̅ токмо дѣла бѧа̅. аже ѡсуду̅ ИМАМЪ Хоцетъ бо кождо понести [‘каждый будет вынужден принести’] своа̅ дѣлеса̅ же и глѣз̅ прѣдъ судицемь̅ судыа̅ страшнаго̅ (μέλλει βαστάζειν)²⁶;

(23) небоно̅ плоть̅ твоа̅ немошна̅ бѣ̅ и къ̅ тому̅ нѣ̅ оу̅ тобѣ̅ моци̅ неже̅ створити̅ что̅. и хоцещи̅ оуже̅ похуленъ̅ бѣ̅ти. [‘ты скоро будешь презираем’] и малъими̅ же̅ и великъими̅

²¹ Толстовский сборник. ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги. Ф.п.1.39. XIII в. Л. 57. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=96362255 (дата обращения: 12.04.2024).

²² Повесть временных лет по Ипатьевскому списку (1110-е).

²³ Ефр.Сир. Л. 238 об.

²⁴ Зах. Л. 66 об.

²⁵ Там же. Л. 73.

²⁶ Ефр.Сир. Л. 227 об.

но и покоиѧ трѣбуйѣши старости ради твоиѧ. гради оубо изъиди ѿсуду (μέλλης ἐξουθενεῖσθαι)²⁷;

(24) азъ мьздо противѣ ицѣлѣннѣмъ не могохъ оуздади влѣко твоѧ во ицѣлѣннѣ ѿсудѣ цѣну хотѣти имѣти [‘невозможно, нельзя оценить’] ни нбо ни земля можетъ оуздади и противу твоимъ ицѣлѣннѣмъ суть же ицѣлѣннѣ твоѧ блготѣна (так!) мзнопѣна (ἐχουσιν)²⁸;

(25) въ единъ ѿ дѣии р(ѣ)е ко мнѣ. хощеши ли видѣти февдору. мнѣ же рекъшоу гдѣ ю хощоу ѿселѣ видѣти [‘где я могу ее видеть’] стѣи вѣе оуже ѿшѣдши еи ѿ временныхъ кѣ вѣчнымъ (ποῦ ἄρα γε θεάσομαι αὐτήν)²⁹.

Важно отметить, что значение внешней необходимости (22) является гораздо более частотным в рассмотренных текстах, чем собственно проспективное (23), которое представлено единичными случаями (при этом в летописях ситуация прямо противоположная [Юрѣва, 2015]). Фокус в примерах типа (22) не на близости будущего события, как в случае с чистым проспективом (23), а именно на неотвратимости этого события. Отличие от внутреннего проспектива состоит в том, что хотѣти с инфинитивом утрачивает компонент значения, указывающий на близость события, а также на наличие признаков, свидетельствующих о приближении этого события (ср. (22): ‘каждому суждено <рано или поздно> принести свои поступки на Страшный суд’).

При транспозиции конструкции хотѣти с инфинитивом в прошедшее время она сохраняет возможность передавать те же аспектуальные или модальные значения, ср.:

(26) Иаковъ прорицаѧ глѣти иако държавнѣе хощеть быти Июдино плема. паѣе всѣхъ двою на десѣте племенъ... понеже ѿ ц(с)рьска племене хоташе родитисѧ. [‘должен родиться’] по плѣти бѣ слово³⁰.

Как видно из приведенных примеров (14–16) и (22), (17–18) и (24–25), обе перифрастические формы пересекаются в двух значениях (из трех для хотѣти и четырех для имѣти + инфинитив): в значениях внешней необходимости и внешней возможности, причем обнаруживаются контекстуально весьма близкие примеры с синонимичными или однокоренными глаголами как со вспомогательным хотѣти, так и с имѣти, ср. (27) (‘какой ответ тебе придется дать?’) и (28) (‘нам придется дать ответ’), в которых речь идет фактически об одном и том же – об ответе, который должен будет дать каждый человек на Страшном суде. В этих случаях ни о каких внутренних предпосылках для последующих событий в контексте с хотѣти, которые отличали бы его от примера с имѣти, говорить не приходится:

(27) сѣе ѿблѣннѣвѣса прѣдъ судицимъ страшнаго судья. кии ѿвѣтѣ имаши ѿвѣцати (ἔχεις ἀποκριθῆναι)³¹;

(28) вси ѧсмъ неродиви иако мнѣсѣса жити въ сѣмъ суетнѣмъ жити вѣкзи вѣкомъ и миръ прѣходитъ а мзи любимици слово въздади хощемъ о сѣмъ всѣмъ (ἀπατούμεθα)³².

Интересно, что в (27) в славянском переводе скалькирована греческая конструкция, тогда как в (28) перифраза употребляется независимо от оригинала.

Аналогичные примеры можно привести и для значения внешней возможности, ср. (29) (‘не могут руки его ничего сделать’) и (30) (‘я никогда не смогу научиться этому делу’):

²⁷ Там же. Л. 37 об.

²⁸ Там же. Л. 218.

²⁹ Житие Василия Нового (конец XI в.). Л. 486.

³⁰ Речи к жидовину (XI–XIII вв.).

³¹ Ефр.Сир. Л. 221 об.

³² Там же. Л. 156.

- (29) Похоти лѣниваго оубивають · не хощете бо роуцѣ него сътворити ништоже (οὐ προαιροῦνται ποιεῖν)³³;
- (30) И ѿ рѹчнѣмь дѣла не прѣнемагаи. множицею бо възложить ти сѧ помыслъ глѧ. яко николиже имамъ навъскнути. рѹчнаго сего дѣла. боленъ бо еси си и немоцненъ (δυνήση μαθεῖν)³⁴.

Если в (29) перед нами скорее метафорическое употребление 'руки не хотят' с импликацией 'руки не могут' в соответствии с греческим оригиналом, то в (30) славянский ИМѢТИ передает семантику греческого глагола δύναμαι 'мочь, быть в состоянии' с инфинитивом. В случае со значением внешней возможности близость конструкций проявляется также в том, что данная интерпретация как для ИМѢТИ, так и для ХОТѢТИ с инфинитивом оказывается возможна только в отрицательных и вопросительных предложениях.

Для значения внешней необходимости, напротив, можно усмотреть некоторое функциональное распределение конструкций: в данном значении ИМѢТИ с инфинитивом употребляется в подавляющем большинстве случаев в отрицательных контекстах, тогда как ХОТѢТИ с инфинитивом – исключительно в утвердительных.

5. Семантика конструкций ХОТѢТИ и ИМѢТИ с инфинитивом в позднесреднерусской письменности

Как показывает материал поздних источников, ХОТѢТИ с инфинитивом в текстах XVII в. сохраняет возможность употребляться в собственно проспективном значении, в значении внешней необходимости (или предестинативного проспектива) и в значении внешней возможности, в том числе со вспомогательным глаголом в форме причастия и прошедшего времени (последние случаи крайне редки). Рассмотрим эти типы употребления немного подробнее.

Собственно проспективное значение встречается как в книжной письменности (31), (33), так и в текстах, отражающих черты живого языка (32), (34), (35), ср.:

- (31) «О чем предложение твое? Не тех ли также злодеев есте, иже великого царя моего божественное повеление презреша? Что глаголете? Како стоите, аки бы разрушиться хотяще?»³⁵;
- (32) «Мы, сошедшися со отцы, задумалися; видим, яко зима хочетъ быти: сердце озябло, и ноги задрожали»³⁶;
- (33) «аще не бы благочестивый царь свою супружницу своима руками не держаль, хотяше пасти на землю, и на многъ часъ безгласна бывше»³⁷;
- (34) «Коли Апиуш Клавдиуш, думной и начальный бояринъ Римского государства ... хотѣдъ было насильствомъ къ любви своей безчесней присилити дочь одного римлянина Вергиниуша»³⁸;
- (35) «А Первушка Сидоровъ въ роспросѣ сказалъ, что... Семейка де зашолъ ихъ съ женою своею подъ клѣтью и хотѣдъ было ножемъ зарѣзати; и Семейкина де жена зарѣзати его Первушку мужу своему Семейкѣ не дала»³⁹.

Сопоставив примеры (33) и (34)–(35), можно заключить, что конструкция ХОТѢТИ + инфинитив в поздней письменности начинает утрачивать данную функцию для вспомогательного глагола в прошедшем времени. Об этом свидетельствует проникновение частицы *было*, также

³³ Зах. Л. 153.

³⁴ Ефр. Сир. Л. 11 об.

³⁵ Иудифъ (1672–1673).

³⁶ Протопоп Аввакум. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное (1672–1675).

³⁷ Книга глаголемая летописец Федора Кирилловича Нормантского (1474–1560 гг.) (вторая половина XVII в.).

³⁸ О причинах гибели царств (1600–1610).

³⁹ Грамота тобольским воеводам об учинении казни казацкой жене, зарезавшей мужа (1628.10.31).

имеющей антирезультативную семантику [Сичинава], в книжные контексты с конструкцией хотѣти + инфинитив. Добавление частицы *было* становится возможным, так как глагол хотѣти для выражения антирезультативного значения уже, по-видимому, недостаточен.

В памятниках XVII в., как и в более ранних источниках, у хотѣти с инфинитивом также широко представлено значение внешней необходимости, при этом исключительно в книжных контекстах, ср.:

- (36) «того ради впаде сему Феодору жезлъ свои на управление царству своему, прозря душевными очима хотящая быти послѣди [‘то, что должно произойти впоследствии’], еже и сами ныне зрим збывшееся»⁴⁰;
- (37) «Аще и уразумѣша, но хотящее богопущение быти [‘должное совершиться’] превратити не возмогоша, Богу въ прочее то смотрителнѣ на се къ збытію попустившу»⁴¹;
- (38) «Той же окаянный розстрига, слыша Бориса умерша, и бысть радостенъ зѣло злохитрою своею душою и злоумышленнымъ своимъ сердцемъ, яко желание его хочеть совершиться [‘должно исполниться’] в конецъ»⁴².

Очевидно, что здесь чисто проспективная интерпретация исключена, поскольку субъект в (37) и (38) является событийным именем, так что ни о каких признаках самого субъекта, которые могли бы указывать на близкое событие, говорить не приходится. Очевидно, что во всех примерах речь идет исключительно о внешних обстоятельствах, которые вызывают неизбежность того или иного события.

В этом же значении в данный период широко употребляются конструкции с имѣти, причем также довольно часто в контекстах с глаголом быти:

- (39) «А потом увидела двух человек, а они дерево тешут, спрашива их, что то имеет быть [‘чем это должно стать’]»⁴³;
- (40) «При Кучюме же предирѣченные знамение начастѣ видѣшась бусурманомъ всегда, яко имъ отъ таковыхъ видѣний велми во ужасе быти; і начаша волховски пытати, что имать быти [‘что должно произойти’], и пленникъ вопрошати, что руски видѣние се; их жѣ волхвы и пленники согласно къ Кучюму провозвѣстиша, яко Богъ отдаеть мѣсто то християномъ вскорѣ, и тебѣ изгонитъ, и скончаешишь в зломъ пребывани»⁴⁴.

В памятниках XVII в. у конструкции хотѣти с инфинитивом также представлено значение внешней возможности (ср. параллельное употребление мочи с инфинитивом в (41), (44), (45)). Как и в ранних памятниках, такое употребление ограничено отрицательными предикациями или контекстами с имплицитным отрицанием (42)–(43). Данное значение встречается не только в книжной (41), но и в гибридной (42) и книжной письменности (43), ср.:

- (41) «Уши не слышат, очи видят мало; Бодрость и действо всех удов престало; Язык не хочет усты разверзати, И зубы хлеба не могут сожевати»⁴⁵;
- (42) «И походил царь по двору и виде: крѣпко стерегут. И рече: “Как хочет смерть пройти [‘как сможет смерть пройти’] ко мнѣ через такую крѣпкую сторожу?»»⁴⁶;

⁴⁰ Окончание списка Оболенского (1562–1612).

⁴¹ Иван Тимофеев. Временник (1610–1617).

⁴² Житие царевича Димитрия Угличского (1645–1655).

⁴³ История вкратце о Бохеме (1650–1675).

⁴⁴ С. У. Ремезов. Ремезовская летопись по Мировичеву списку (1690–1700).

⁴⁵ Интермедии (Междоречие) (последняя четверть XVII в. – начало XVIII в.).

⁴⁶ Сказание о древе золотом и о золотом попугае (середина XVII в.).

- (43) «Како хотят у м[е]ртвеца болети [‘как могут болеть’] зубы, так и у раба Б[о]жия имярек зубом не болет[ь] ни вовеки»⁴⁷.

Значение внешней возможности представлено и у конструкций с глаголом имѣти, у которых также имеет место ограничение на контексты с имплицитным отрицанием, ср.:

- (44) «Обаче чем же имам убогих гражданцов со женами и детми их утешати [‘чем я могу утешить’], их же аз, да едино студенные воды напиются, от смерти ни на един день болши избавити могу?»⁴⁸;
- (45) «Старче лукавы! что се ты твориши? Непрелстимую богатырку лстиши. Не мое дело в дровах ти пособляти; Аз вем телеса ваша в гроб хищати. Обаче тебе имам пособити [иронически: ‘могу помочь’], Да скорее в гроб можеш почитити»⁴⁹.

Теперь перейдем к типам употребления хотѣти с инфинитивом, которые обнаруживаются только в поздних текстах XVII в. Найдено несколько примеров, в которых конструкция с хотѣти утрачивает свою модально-аспектуальную специфику и вступает в сферу обозначения узуальных ситуаций, в которых референция к будущему отсутствует, так как представлена гипотетическая повторяющаяся ситуация, ср.:

- (46) «Буде хочешь розныя смѣты сколко нибуть вмѣсте сложитъ [‘если ты складываешь / будешь складывать’] что ихъ будетъ, і ты стаѣь хоть 1000 чи, хоть 100, хоть 10... а десятки стаѣь точьками, только точьки прилагай к тому слову, которое хочешь считатьъ; а буде которое слово не сверхъ десятку прилучитя, і то стаѣь безъ точьки»⁵⁰;
- (47) «А по сторонам тех дверей поставлены многие кресла... и когда кто похочет скрозь те склянишныя двери посмотреть, и тот, которой сидит в тех вышеписанных креслах, которые зделаны с фигурою, вышепомяненным яблоком поворотит, и ис тех вышеписанных склянишных дверей потечет между стекл из свинцу вода из многих мест и хотящаго в те двери смотреть [‘того, кто в эти двери смотрит’] нечаянно всего обольет»⁵¹.

В современном русском языке в таких ситуациях будет употребляться форма настоящего времени или будущего времени в узуальном значении. Преимущественно это контексты с инструкциями (несколько примеров встретилось в учебных тетрадях Петра I), однако представлено и описание узуальной ситуации не в составе инструкции (47).

В схожем употреблении для обозначения хабитуальной ситуации находим в текстах XVII в. и конструкцию имѣти с инфинитивом, ср.:

- (48) «Пред ним же временем идет 15 000 воинов с различным оружием велми стройно, иногда же бывает самых конных 150 000, тако уже полками великими имут стати [‘обычно становятся’] в поле за градом пред оными полаты, в них же на проезд исходит»⁵².

Еще одной зоной пересечения глаголов хотѣти и имѣти вне семантической области модальности является значение намерения, которое для хотѣти является архетипическим, а для имѣти довольно редким, однако до сих пор возможным в современном русском языке. Конструкции с имѣти в этом случае, как правило, характеризуются дополнительными модальными наращениями (‘имею намерение, потому что нужно/должен/следует’). Так, в (51) наряду с выражением намерения возможна также модальная интерпретация (‘мне нужно тебе сказать’), ср.:

⁴⁷ Заговор от зубной боли (вторая четверть XVII в.).

⁴⁸ Иудишь (1672–1673).

⁴⁹ Интермедии (Междоречие) (1675–1710).

⁵⁰ Петр I. Отрывок из учебных тетрад по арифметике (1688).

⁵¹ Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699 (1699).

⁵² А. Лызлов. Скифская история (1692).

- (49) «Се бо уже конечное слово хочу рещи, яже паки ктому уже потом прочее не приложу глаголати»⁵³;
- (50) «Аман: Еще же аз тебе имам рещи нечто»⁵⁴;
- (51) «Кто есть zde скитаяся промежду зверати, Изыйди: имам нечто тебе глаголати»⁵⁵.

6. Заключение

Обобщим рассмотренные выше типы употребления конструкции хотѣти + инфинитив в сопоставлении с имѣти + инфинитив в виде таблицы. Курсивом выделены зоны функционального сближения конструкций с хотѣти и имѣти.

Таблица 4

Сопоставление семантических типов употребления конструкций с хотѣти и имѣти в древне- и позднесреднерусской письменности

Древнерусский период		Позднесреднерусский период	
хотѣти с инфинитивом	имѣти с инфинитивом	хотѣти с инфинитивом	имѣти с инфинитивом
<i>Внешняя необходимость</i>	<i>Внешняя необходимость</i>	<i>Внешняя необходимость</i>	<i>Внешняя необходимость</i>
<i>Внешняя возможность</i>	<i>Внешняя возможность</i>	<i>Внешняя возможность</i>	<i>Внешняя возможность</i>
Проспектив		Проспектив	
	Деонтическая модальность		Деонтическая модальность
	Практическая необходимость		Практическая необходимость
		<i>Узуальность</i>	<i>Узуальность</i>
		<i>Намерение</i>	<i>Намерение</i>
			Эпистемическая модальность

Как видно из таблицы 4, конструкции имели довольно существенную зону семантического пересечения уже в древнерусский период. Употребления, которые в славянском переводе могли зависеть от соответствующей конструкции в греческом оригинале, в дальнейшем усваиваются литературным языком и продолжают воспроизводиться в позднее время. К XVII в. обе конструкции расширяют свой семантический диапазон, при этом количество пересекающихся зон также увеличивается. Конструкции имѣти + инфинитив и хотѣти + инфинитив изначально испытывают определенную степень аттракции, постепенно еще более сближаясь структурно и функционально-семантически. Для конструкций с имѣти мы наблюдаем еще большее усиление модального компонента. Семантика обеих конструкций при этом существенно расширяется, размывается, что, видимо, и способствует их постепенной утрате в литературном языке.

⁵³ Из Великих Миней Четых митрополита Макария. 26 апреля. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископа в Перми, составленное преподобным во священноиноках отцом нашим Елифаном (1530–1554).

⁵⁴ Артаксерксово действо (1672).

⁵⁵ Дмитрий Ростовский. Успенская драма (Комедия на успение Богородицы) (1680–1690).

Литература

- Баранов В. А. Дистрибутивный словарь исторического корпуса «Манускрипт»: постановка задачи, материал, методы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 2. С. 94–106. DOI 10.29025/2079-6021-2022-2-94-106
- Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952. 446 с.
- Козлов А. А. К грамматической семантике старославянских конструкций *ХОТѢТИ/ИМѢТИ* с инфинитивом // Русский язык в научном освещении. 2014. № 1 (27). С. 122–149.
- Козлов А. А. К семантической типологии проспектива // Вопросы языкознания. 2021. № 2. С. 28–52. DOI 10.31857/0373-658X.2021.2.28-52
- Мустафина Э. К. Способы выражения значения будущего времени в тексте «Повести временных лет». Дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 1984. 162 с.
- Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София, 2008. 524 с.
- Падучева Е. В. Модальность // Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Глагол. СПб., 2016. Ч. 1. С. 19–94.
- Пенькова Я. А. Инфинитивные конструкции с глаголом *ИМѢТИ* в позднесреднерусской письменности // Sub specie aeternitatis. Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько. М., 2021. С. 212–227.
- Пенькова Я. А., Крысько В. Б. Будущее время // Историческая грамматика русского языка. Энциклопедический словарь. М., 2020. С. 21–30.
- Сичинава Д. В. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013. 383 с.
- Шевелева М. Н. К проблеме грамматической семантики конструкций типа *имать быти vs. хочеть быти* в ранних восточнославянских текстах // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 194–218.
- Шевелева М. Н. О древнерусском глаголе *ИМѢТИ*, посессивных конструкциях и сложном будущем с *имамь/имоу* в ранних восточнославянских текстах // Вопросы языкознания. 2019. № 6. С. 32–50. DOI 10.31857/S0373658X0007545-8
- Юрьева И. С. Семантика глаголов *ИМѢТИ, ХОТѢТИ, начати (почати)* в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII–XV вв. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 279 с.
- Юрьева И. С. Инфинитивные сочетания с глаголами *имамь* и *имоу* в древнерусских текстах // Русский язык в научном освещении. 2011. № 2 (22). С. 68–88.
- Юрьева И. С. Охъ же ти хочеть быти! [2015] [электронная публикация]. URL: <https://inslav.ru/zal-izniak80/congratulations/Yurjeva.pdf> (дата обращения: 12.04.2024).
- Andersen H. Periphrastic Futures in Slavic // Divergence and Convergence. Change in Verbal Systems. Issues in Explanation. Bern, 2006. P. 9–45.
- Hansen B. Das Modalauxiliar im Slavischen. Grammatikalisierung und Semantik im Russischen, Polnischen, Serbischen/Kroatischen und Altkirchenslavischen. München, 2001. (Slavo-linguistica. 2). 452 S.
- Křížková H. Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině. Praha, 1960. 202 s.
- Moser M. Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts. Frankfurt/Main etc., 1998. 398 S.

References

- Andersen, H. Periphrastic Futures in Slavic. In *Divergence and Convergence. Change in Verbal Systems. Issues in Explanation*. Bern, 2006. Pp. 9–45.
- Baranov, V. A. Distributivnyi slovar' istoricheskogo korpusa "Manuskript": postanovka zadachi, material, metody [Distributive Dictionary of the Historical Corpus "Manuscript": Problem Statement, Material, Methods]. In *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*. 2022. No. 2. Pp. 94–106. DOI 10.29025/2079-6021-2022-2-94-106
- Hansen, B. Das Modalauxiliar im Slavischen. Grammatikalisierung und Semantik im Russischen, Polnischen, Serbischen/Kroatischen und Altkirchenslavischen. München, 2001. (Slavo-linguistica. 2). 452 S.
- Kozlov, A. A. K grammaticheskoi semantike staroslavjanskikh konstruktssii *khotěti/iměti* s infinitivom [On the Semantics of Old Church Slavonic *Xotěti / Iměti* + Infinitive Constructions]. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2014. No. 1 (27). Pp. 122–149.
- Kozlov, A. A. K semanticheskoi tipologii prospektiva [Towards the Semantic Typology of Prospective Aspect]. In *Voprosy yazykoznaniiya*. 2021. No. 2. Pp. 28–52. DOI 10.31857/0373-658X.2021.2.28-52
- Křížková, H. Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině. Praha, 1960. 202 s.

- Moser, M. Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts. Frankfurt/Main etc., 1998. 398 S.
- Mustafina, E. K. Sposoby vyrazheniya znacheniya budushchego vremeni v tekste “Povesti vremennykh let” [Ways of Expressing the Meaning of the Future Tense in the Text of the “Tale of Bygone Years”]. Dissertation for the Degree of Candidate of Philology. Dushanbe, 1984. 162 p.
- Nitsolova, R. B’lgarska gramatika. Morfologiya [Bulgarian Grammar. Morphology]. Sofia, 2008. 524 p.
- Paducheva, E. V. Modal’nost’ [Modality]. In *Materialy k Korpusnoi grammatike russkogo yazyka. Glagol*. Saint Petersburg, 2016. Part 1. Pp. 19–94.
- Pen’kova, Ya. A. Infinitivnye konstruksii s glagolom IMĚTI v pozdnesrednerusskoi pis’mennosti [Infinitive Constructions with the Verb IMĚTI in Late Middle Russian Writing]. In *Sub specie aeternitatis. Sbornik nauchnykh statei k 60-letiyu Vadima Borisovicha Krysa’ko*. Moscow, 2021. Pp. 212–227.
- Pen’kova, Ya. A., Krysa’ko, V. B. Budushchee vremya [The Future Tense]. In *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Entsiklopedicheskii slovar’*. Moscow, 2020. Pp. 21–30.
- Sheveleva, M. N. K probleme grammaticheskoi semantiki konstruksii tipa *imat’ byti* vs. *khochet’ byti* v rannikh vostochnoslavjanskikh tekstakh [On the Grammatical Semantics of the Periphrastic Constructions Like *Imat’ Byti* vs. *Khochet’ Byti* in Early East Slavic Texts]. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2017. No. 2 (34). Pp. 194–218.
- Sheveleva, M. N. O drevnerusskom glagole *iměti*, possessivnykh konstruksiyakh i slozhnom budushchem s *imam’/imou* v rannikh vostochnoslavjanskikh tekstakh [On Old Russian Verb *Iměti*, Possessive Constructions and Complex Future with *Imam’ / Imu* in Early East Slavic Texts]. In *Voprosy yazykoznanija*. 2019. No. 6. Pp. 32–50. DOI 10.31857/S0373658X0007545-8
- Sichinava, D. V. Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavjanskii plyuskvamperfekt [The Typology of the Plusquamperfect. Slavic Plusquamperfect]. Moscow, 2013. 383 p.
- Vaillant, A. Rukovodstvo po staroslavjanskomu yazyku [A Guide to the Old Slavic Language]. Moscow, 2004. 448 p.
- Yur’eva, I. S. Semantika glagolov *iměti*, *khotěti*, *nachati* (*pochati*) v sochetaniyakh s infinitivom v yazyke drevnerusskikh pamyatnikov XII–XV vv. [The Semantics of the Verbs *Iměti*, *Khotěti*, *Nachati* (*Pochati*) in Combination with the Infinitive in the Language of Old Russian Monuments of the 12th – 15th Centuries]. Dissertation for the Degree of Candidate of Philology. Moscow, 2009. 279 p.
- Yur’eva, I. S. Infinitivnye sochetaniya s glagolami *imam’* i *imou* v drevnerusskikh tekstakh [Infinitive Constructions with the Verbs *imam’* and *imu* in Old Russian Texts]. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2011. No. 2 (22). Pp. 68–88.
- Yur’eva, I. S. Okh’ zhe ti khoshchet’ byti! [Oh, It would Be!] [2015] [electronic publication]. URL: <https://inslav.ru/zaluzniak80/congratulations/Yurjeva.pdf> (accessed 12 April 2024).

Yana A. Penkova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Kazan (Volga Region) Federal University, Moscow, Russia

ANALYSIS OF DISTRIBUTION OF INFINITIVE CONSTRUCTIONS
WITH THE VERBS KHOTĚTI AND IMĚTI IN THE HISTORY OF RUSSIAN WRITING

The paper discusses distribution of infinitive constructions with the auxiliary verbs *khotěti* and *iměti* in Old and Late Middle Russian writing using data from historical corpora. Structural and semantic features of constructions with these auxiliaries in different chronological periods are compared. It is argued that constructions with the auxiliaries *khotěti* and *iměti* experienced a certain degree of attraction in Old Russian writing, gradually expanding their semantic range and getting closer structurally and functionally.

Keywords: Church Slavonic writing, Russian writing, periphrastic future, modality, prospective aspect

